

Все громче и громче раздаются голоса о том, что Поэзия умирает. А мне странно слышать эти речи. Потому что, по словам Арсения Тарковского, Поэзия — это меньше всего литература, Поэзия — это способ жизни. Я знаю много поэтов, которые не зарифмовали ни единой строки, и людей, рифмующих их километрами и не являющихся поэтами. Поэт — это человек с особым зрением и

слухом, позволяющими ему видеть невидимое и слышать неслышимое. И далеко не всем поэтам дан дар облекать это в слова. Такие люди — каста избранных, орган речи мирового пространства. Поэзия не может умереть, ибо не может умереть Вселенная. Даже если человечество вымрет как вид, Поэзия будет жить и ждать своего певца.

Любовь Новикова

* * *

О, эти белые деревья,
Печалющие сумрак ночи.
О, эти черные деревни
Страны, что разорвали в клочья.

Меся ногами злую слякоть
И глядя в старческие лица,
Уже мне хочется не плакать,
Уже мне хочется — молиться.

И я по тропочке по узкой,
По забурьянному полю
Иду землей своею русской,
Как странница на богомолье.

К ней, словно к сытому корыту,
Сбежались те, кто был мне — братья.
Мне хочется творить молитвы.
А получают проклятья.

И я последней мукой сердца
Взываю к Богу: «Виждь и внемли!
Причисли к лику страстотерпцев
Мою поруганную землю —

И эти белые деревья,
Печалющие сумрак ночи.
И эти черные деревни
Страны, что разорвали в клочья.

И эту пасмурную слякоть.
И эти старческие лица.
Все то, о чем еще мне плакать.
И то, чему уже молиться».

* * *

Мне б ни ваших и ни наших.
Мне со всеми страшно тут.
Наши — плачут, ваши пляшут.
Все едино — водку пьют.

А как досыта напьются,
Что тут надвое гадать —
Непременно подерутся,
А подравшись, разойдутся,
Черной кровью отплюются.
Да помирятся опять.

И пойдет гульба без края,
Беспробудный разгуляй.
Лишь тогда и затихают,
Как всю душу прогуляют
До последнего рубля.

Будь ты справа, будь ты слева,
Будь хоть с Богом, будь хоть — нет.
Будь хоть в красном, будь хоть в белом,
Будь хоть вовсе не одет.

Все равно — одна потрава —
Слезы лей, гробы готовь.
Тем — бесславые, этим — слава.
Ах ты, русская забава —
Все под корень, все бы в кровь.

А потом всех ваших-наших
Этой кровью повязать.
Наши — плачут, ваши — пляшут.
Ваши — плачут, наши — пляшут.
До сих пор не разобрать
С кем мне плакать, с кем плясать.

* * *

Мои слова мне душу не облегчили.
Моя любовь уже почти прошла.
Мои следы, оставленные вечером,
Полуночная вьюга замела.

И тишина, тяжелая и грозная,
Раскинулась на дальнем берегу.
Ворона, как боярыня Морозова,
На белом запечалилась снегу

С каким-то злым, с каким-то тайным умыслом.
Господь ее помилуй и спаси
За то, о чем она теперь задумалась,
Великая печальница Руси.

Здесь что ни год, то смута да растление.
Здесь что ни храм, то Спаса на Крови.
Придавленные страхом унижения
Молчат, молчат соотчичи мои.

И тихо так, что слышу скрип обозы я.
Томятся на Москве колокола.
И черная боярыня Морозова
Летит, раскинув вещие крыла.

* * *

Не пойти ли мне за верою?
Мне без веры здесь — никак.
Были в небе птицы серые.
А теперь и вовсе — мрак.

Отпылали дым-пожарища,
Не видать теперь ни зги.
Были все друзья-товарищи,
А теперь одни враги.

Не с кем словом перемолвиться,
Чтоб не вспомнить сатану.
Неужель никто не молится
За родимую страну.

Так здесь души исковерканы,
Что не знаешь, чем и жить.
Неужели в этой церковке
Можно душу отмолить?

Неужели в этой маленькой,
В небо бьющейся крестом,
Можно все грехи замаливать,
Можно плакать обо всем.

Неужели здесь отмерится
Все, что надобно душе.
Ох, не верится, не верится.
Ох, не молится уже.

Все как будто пахнет серою
Возле храмовых оград.
Не пойти ли мне за верою
Мимо церкви наугад.

* * *

Когда полночный ветер воет
И небо звезды в тучах прячет,
Тебе не кажется порою,
Что кто-то плачет?

Тебе не кажется ночами,
Когда уснут дома и люди,
Что кто-то мучится печалью,
И ждет, и любит?

Кого-то Бог слепил из глины.
А из кого-то сделал свечи.
Конечно, лучше ветер в спину,
Чем ветер встречный.

Кто стороной, тот не увидит.
Кто обделен, тот непорочен.
И тот всего больней обидит,
Кто и не хочет.

Такой ты долей обозначен —
Тебя и буря не всколешет.
Я под окном твоим заплачу —
Ты не услышишь.

* * *

Кричи, кричи. Пока не скомкан рот.
Пока не передавлено дыханье.
Пока души великое страданье,
Как горлом кровь, в слова твои течет.

Не оставляй молитву на потом.
Спешу наполнить криком эти стены.
И насмерть перерезанные вены
Не торопись затягивать жгутом.

И может, ты разбудишь этот сон,
Людей сковавший, словно смертный морок.
И мир, как пьяный нищий под забором,
Очнется вдруг под твой последний стон.

Тебе ли, избранной, о том жалеть,
Что жизнь твою никто не пожалеет.
Что над душой растоптанной твоею
Проснувшиеся будут песни петь.

* * *

Вот и осень прошла. И, наверно, уже не успеть.
Моих слов не слышать. Кончен бал мой и козыри биты.
Но пока еще есть во мне силы не тлеть, а гореть.
Но пока я жива, я беру этот мир под защиту.

Может, скажет мне кто, что мое ненадежно крыло.
И что я в одиночку всемирного зла не осилю.
Значит, вам все равно. Значит, вам ни тепло, ни светло.
Значит, вы никогда никого не любили.

Значит, вы никогда не склонялись над чьей-то бедой,
Обмирая душой — защитить, отогреть, успокоить.
О, как сердце болит. Как мне трудно сегодня одной.
И голодная боль как собака побитая воеет.

И уже обступили, уже замолчали и ждут —
Поднимусь или нет. Подниму или нет свое знамя.
Но пока я жива. До последних до крайних минут,
Буду греть этот мир золотыми своими слезами.